

**БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУС: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

**Bolshederbetovsky Ulus: Public Administration and Public Self-Government
in the Context of the Administrative and Territorial Transformations
in the Second Half of the XIXth Century**

И. В. Лиджиева (I. Lidzhieva)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

В статье на основе различных источников рассматривается система государственного управления и общественного самоуправления в Большедербетовском улусе в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в. Автор приходит к выводу о том, что передача земель калмыцких кочевий южной долины Маныча в административное подчинение ставропольским властям привела к ликвидации, по существу, двойного управления данной территорией.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Большедербетовский улус, административно-территориальные преобразования, вторая половина XIX в., Ставропольская губерния, Астраханская губерния, государственное управление, общественное самоуправление.

The article considers the system of public administration and public self-government in the Bolshederbetovsky ulus in the context of administrative-territorial transformations during the second half of the XIXth century. Territorially, the Bolshederbetovsky ulus and a separate part of the Maloderbetovsky ulus belonged to the Stavropol province, but administratively they submitted to the Astrakhan provincial administration. This fact contributed to a collision between the two provincial governing bodies and generated a need of carrying out administrative-territorial reform which affected the system of public administration of the Bolshederbetovsky ulus, and, to some extent, public self-government as well. Land disputes of the nomadic peoples in the first half of the XIXth century in the territory of the Astrakhan and Stavropol provinces didn't find any solution. It is necessary to assume that these circumstances were dictated by the deficiency of lands in the Stavropol province. On the other hand, the solution of a question in favor of one people would immediately infringe on interests of the other people living in the province. Administrative-territorial transformations of the second half of the XIXth century led to land losses which resulted in changing the ethnocultural situation in the considered area. Since Kalmyks had lost their numerical superiority in a separate part of the Maloderbetovsky ulus in the first half of the XIXth century, Turkmen gained the dominance in this region and gradually forced out Kalmyks over Manych. Due to this fact, the government was driven to a decision to turn over a part of the Kalmyk lands to the Turkmen nomads. It should be noted that despite the fact that the Bolshederbetovsky ulus began to submit to the other province, the former control system kept on functioning without any significant changes. The author comes to the conclusion that the transfer of lands of Kalmyk nomad area of the southern valley of Manych in the administrative subordination to the Stavropol authorities led to the elimination of dual control of this territory.

Keywords: Kalmyk steppe, Bolshederbetovsky ulus, administrative-territorial transformations, second half of the nineteenth century, Stavropol province, Astrakhan province, state administration, public self-government.

Преамбула Высочайше утвержденного «Положения об управлении калмыцким на-
родом», принятого 24 ноября 1834 г. и рас-
публикованного 28 декабря 1835 г., гласит:
«... Мы Повелели: собрав на месте точней-

шие о всех их нуждах сведения, предначер-
тать сообразный с оными и с состоянием их
понятий и нравов, новый порядок управ-
ления» [ПСЗ РИ. Т. X. 1836]. В соответ-
ствии с данным документом, для управле-

ния Калмыцкой степью взамен введенного Правилами для управления Калмыцкого народа» от 10 марта 1825 г. института приставства был введен институт попечительства, состоявший в ведомстве Министерства внутренних дел. Попечительство над калмыками было поручено Управляющему Астраханскою Палатою Государственных имуществ, которому присваивалось звание Главного Попечителя калмыцкого народа. Это совмещение было связано с тем, что кочевья калмыков в Астраханской губернии и Кавказской области относились к казенным землям, надзор за которыми осуществляла Астраханская палата государственных имуществ. В связи с этим, согласно положению 1847 г., Калмыцкая степь была передана в ведомство I департамента Министерства государственных имуществ.

В соответствии с Высочайше утвержденным Положением об управлении калмыцким народом от 24 ноября 1834 г., калмыцкий народ в административно-территориальном отношении был разделен на семь улусов: Багацохуровский, Эркетенровский, Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский и Харахусовский.

Большедербетовский улус и отдельная часть Малодербетовского улуса в территориальном отношении входили в ведомство Ставропольской губернии, а в административном отношении подчинялись астраханскому губернскому начальству. Указанная коллизия стала предметом столкновения двух губернских руководств и породила необходимость проведения административно-территориальной реформы, которая повлияла и на систему государственного управления Большедербетовским улусом и в незначительной степени затронула общественное самоуправление. В ходе исследования степного Предкавказья к данной проблеме обращались ряд авторов [Бентковский 1879; Львовский 1894; Дуброва 1998; Бурдуков 1898; Фарфоровский 1912; Максимов 2002; Белоусов 2012].

Процесс законодательного оформления территории кочевания калмыков проходил в несколько этапов в течение XIX столетия. Так, на основании Высочайшего Указа от 27 сентября 1800 г., Сенату было поручено отвести во владения все земли калмыкам, кочующим в Астраханской губернии, на которых кочевали их предки до ухода за границу.

В ходе исполнения Указа оказалось, что границы земель, где прежде кочевали кал-

мыки, не получили законодательного закрепления за последними. По мнению бывшего астраханского военного губернатора генерал-майора К. Ф. Кнорринга, которое было представлено Сенату, ни калмыки не знают всех тех мест, где кочевали их предки, ни губернское управление не имеет точных данных о территории кочевки калмыцкого народа. В связи с этим Сенат обратился по данному вопросу в Коллегию иностранных дел. Из представленных ею сведений было установлено, что «... калмыки занимали земли от Саратова до Астрахани и Кавказских гор, и от реки Яика, что ныне Урал, до Дона, по всем почти рекам, на пространстве сем протекающим, по мочагам и по другим урочищам. ... но в действительности отведенных им в собственность мест они не имеют, почему и бывают иногда принуждены, по разным встречающимся обстоятельствам, перебиваться с одного места на другое» [Доклад 1806: 52–53]. Кроме того, на этих землях без разрешения правительства в разное время поселились государственные и частновладельческие крестьяне.

В связи с этим, согласно Высочайшему указу от 28 апреля 1802 г., Сенату было предписано отвести калмыкам необходимую для кочевки территорию от Царицына до Каспийского моря, а назначение земель было возложено на астраханского губернатора Дмитрия Васильевича Тенишева и саратовского — Василия Сергеевича Ланского, а также Пристава калмыцкого народа, коллежского советника Н. И. Страхова. Между тем указом от 11 марта 1801 г. «киргиз-кайсацкому владельцу Букею было дозволено кочевать с народом, ему подвластным, между Уралом и Волгою» [Указ 1806: 64]. Данное обстоятельство вызвало затруднения в ходе разграничения земель между двумя кочующими народами. С целью разрешения сложившейся ситуации астраханскому военному губернатору, генералу от инфантерии князю Павлу Дмитриевичу Цицианову было передано распоряжение собрать точные сведения о численности кочующих народов и их потребностях в территориях кочевий.

На основании сведений, собранных генерал-майором Дмитрием Иринарховичем Завалишиным, было принято положение от 19 мая 1806 г. «Об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и части Саратовской» [Указ 1806: 63–88]. Данный документ, определявший юридический статус и территорию калмыцких кочевий на Нижней

Волге и степном Предкавказье, состоял из 46 статей, разделенных на шесть глав. Глава I «О местах и границах, назначенных для кочевья калмыков весною, летом и осенью» определяла территорию кочевий. К югу от устья Волги граница калмыцких земель была установлена по берегу Каспийского моря, по нижнему течению р. Кумы до деревни Владимировка, далее по речке Мокрая Буйвола, правому притоку Большого Егорлыка, по рекам Малой и Большой Кегультам. От устья Большого Егорлыка граница делала небольшой поворот по Манычу на восток и затем, вдоль восточных пределов Войска Донского, подходила к земельным наделам селений Цаца, Большие Чапурники [Указ 1806: 65]. В статье 7 Положения значилось, что «Сверх пространства земли всем калмыкам вообще назначенного, дозволяется Дербетовскому улусу по многочисленности его иметь кочевье и за Манычем по реке Калаусу до Большого Егорлыка» [Указ 1806: 73].

Статья 14 главы II «О зимовке калмыков» определяла прогоны для водопоев и предусматривала установление межевых знаков. Согласно статье 20 главы III «Об отношениях калмыков по смежности земель их с казаками, казенными поселянами и помещичьими крестьянами», татарам предоставлялось право кочевать за калмыками. Для реализации Положения, в соответствии со статьей 41 главы IV, учреждалась «особенная временная Комиссия гражданского губернатора».

Но, несмотря на законодательное оформление административно-территориальных границ и ознакомление с последними представителей всех заинтересованных в урегулировании вопроса о земельных претензиях сторон, как показывают материалы, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, он оставался и далее требующим детального разрешения. Так, 3 мая 1832 г. владелец Большедербетовского улуса капитан Очир Хапчуков обращался к астраханскому военному губернатору, генерал-майору Василию Гавриловичу Пяткину с «просьбой принять действенные меры к охранению сего улуса от набегов черкесов и прочих народов» [НА РК. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2]. В письме говорилось: «По имениному его Императорского Величества повелению пожалованным и утвержденным моему улусу землям первоначальное размежевание последовало в 1815 г. без всяких со стороны какого-либо споров и окончено в 1829 г., план на оные составлялся с 1825 г.

и окончившие в 1829 г. по представлению на утверждение Правительствующего Сената выдал мне каковые земли от прочих отделены были нам особенно, из числа сих земель Кавказская комиссия самовольно отрезала две части и наделила оными состоящих в Ставропольском ведомстве Джистанова, Джембулукова рода ногайцев, которые водворяясь на упомянутые земли причиняют нам стеснение и не взирая на выставляемые караульные пикеты производят воровства и грабежи» [НА РК. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2].

По данному письму 13 августа 1832 г. было проведено заседание Комиссии калмыцких дел, где было отмечено, что астраханские губернские власти неоднократно обращались к Начальнику Кавказской области «о принятии мер к ограждению калмыков от хищнических набегов со стороны горских народов» [НА РК. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 7–10].

24 октября 1832 г. Общее Управление Кавказской области уведомило Главного пристава калмыцкого народа о том, что «жалоба калмыцкого владельца Очира Хапчукова передана на рассмотрение г. Министра внутренних дел», но «ответа еще не последовало» [НА РК. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 13]. Как отмечал С. В. Фарфоровский, «астраханское начальство вследствие отдаленности этой степи, а также по причине столкновений со ставропольским управлением, было бессильно решить распри калмыков с магометанами» [Фарфоровский 1912: 200].

Таким образом, земельные споры кочующих народов на территории Астраханской и Ставропольской губерний не были окончательно разрешены. Следует предположить, что данные обстоятельства были продиктованы дефицитом земель в Ставропольской губернии и решение вопроса в пользу одних затрагивало бы интересы других народов проживающих в губернии.

21 октября 1859 г. «Государь Император признавая необходимым для прекращения споров и недоразумений, возникающих между Астраханским и Ставропольским губернским начальством по заведыванию калмыками и магометанскими народами кочующих на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний» издал указ, согласно которому «Калмыцкую степь в Ставропольской губернии с кочующими на оной калмыками Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями подчинить Главному приставу магометанских народов

кочующих в Ставропольской губернии, и затем ему Главному приставу именоваться Главным Приставом кочующих народов в Ставропольской губернии» [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 9–10]. Кроме того, этим же указом была изменена административная граница между Ставропольской и Астраханской губерниями, в частности, она была сдвинута в пользу Ставропольской губернии с нижнего течения р. Кумы на ее правый проток — р. Гайдук.

Таким образом, калмыцкие земли Ставропольской губернии были изъяты из ведения астраханских властей и переданы под управление ставропольских. В их юрисдикцию отошли 872 377 дес. 1 900 саж. земли Большедербетовского улуса, 1 102 797 млн дес. 450 саж. отдельной части Малодербетовского улуса и участок земли между р. Гайдуком и р. Кумой в количестве 266 666 дес. 1 600 саж. — всего 2 241 841 млн дес. 1 550 саж. Калмыцкой земли [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 206. Л. 5 (об.)].

Калмыкам, кочевавшим на территории отдельной части Малодербетовского улуса, было предоставлено право выбора — остаться в подчинении ставропольских властей или перейти к своим сородичам, проживавшим в Астраханской губернии. Как показывают архивные материалы, процесс перехода калмыков отдельной части Малодербетовского улуса затянулся на длительное время, что вызвало необходимость Приставу кочующих народов Ставропольской губернии дать указание заведующему отдельной частью Малодербетовского улуса о «принятии самых строгих мер к высылке калмыков (кочующих на территории отдельной части Малодербетовского улуса и принявших решение об откочевке к сородичам в пределы Астраханской губернии. — *И. Л.*) за границу, отделяющую Ставропольскую от Астраханской губернии» [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 2. Д. 206. Л. 91]. Но, как утверждает получатель данного письма, в июне 1861 г. упомянутые калмыки не могли перекочевать на земли Астраханской губернии в связи с болезнью скота, поэтому они «просят дозволения оставаться в пределах губернии до его поправления» [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 2. Д. 206. Л. 97]. Так как сведения о численности калмыков, проживавших в городах, селах и казачьих станицах, отсутствовали, заведующий отдельной частью Малодербетовского улуса Иван Гаглазин предлагал собрать информацию путем циркулярных указаний о составлении именных списков

калмыков через Ставропольские губернские власти. Согласно его предложениям, далее необходимо было установить, «в каком ведомстве они желали бы остаться», — если в Астраханском, то следовало бы получить от «тамошнего начальства установленных билетов на заработки».

В письме от 27 июля 1861 г. Главный Пристав кочующих народов в Ставропольской губернии сообщает заведующему И. Гаглазину, что поступают жалобы от туркмен на калмыков, «оставшихся без правительственного и народного надзора». В связи с этим было дано указание об организации скорейшего перехода калмыков из Ставропольской в Астраханскую губернию. В этих целях следовало: 1) собрать по 30–50 кибиток калмыков в одном месте, недалеко от Маныча, и назначить ответственного, без ведома которого отлучаться и кочевать произвольно было нельзя; 2) в случае удаления на расстояние 10 верст привлекать к юридической ответственности [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 2. Д. 206. Л. 107].

Переход земель Большедербетовского и отдельной части Малодербетовского улусов в административное подчинение Ставропольской губернии сопровождался официальной перепиской между губернскими властями, вызванной проблемами, возникшими на месте в ходе реализации Высочайшего повеления от 8 марта 1860 г. Так, у Астраханской Палаты государственных имуществ возникли вопросы относительно сборов и доходов, полученных с земель, переданных в ведомство Ставропольской губернии: должны ли участвовать нойоны-владельцы в выборе Ламы калмыцкого народа, а также в подчинение какой губернии должен перейти помощник попечителя Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 121. 76–81].

Данная ситуация была разрешена инструктивным письмом министра государственных имуществ от 19 января 1861 г. за № 1386, в котором было отмечено, что в ходе административного переподчинения Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского «правительство не имело в виду преобразований в быте и самом образе управления этим народом, особенно в отношении религиозном». Соответственно, Ламе калмыцкого народа подчиняются все хурулы и священнослужители, в том числе Большедербетовского улуса, количественные данные о которых представлены в таблице 1.

Таблица 1.

*Ведомость о числе хурулов и духовенства в Большедербетовском улусе
[НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 54–55]*

Название улусов	Хурулов		При них духовенства			
	Больших	Малых	Гелюнгов	Гецулей	Манджиков	Итого
Большедербетовский улус	2	3	50	34	35	119

В связи с малочисленностью калмыков, кочевавших в отдельной части Малодербетовского улуса (234 кибитки), и переходом данной территории в распоряжение Главного Пристава магометанских народов упраздняется прежнее его название, а по-

мощник попечителя Малодербетовского улуса переходит в ведомство Астраханской губернии. Количественные и демографические характеристики населения, проживавшего на передаваемой территории, отражены в таблице 2.

Таблица 2.

*Ведомость о народонаселении в передаваемых в ведение Ставропольского начальства улуса Большедербетовского и Отдельной части Малодербетовского улуса
[НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 52–53]*

В каких улусах	Владельцев управляющих улусами и членов их семей		Владельцев мелкопоместных и членов их семей		Аймачных зайсангов и членов их семей		Зайсангов безаймачных и их семейств		Число кибиток простолюдинов
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
В Большедербетовском улусе	12	10	1	2	53	55	15	17	1204
В Отдельной части Малодербетовского улуса					2	4	2	4	234
Итого:	12	10	1	2	55	59	17	21	1438

В финансовом отношении между губерниями должен быть произведен расчет по денежным сборам и за оброчные статьи Большедербетовского и отдельной части Малодербетовского улуса.

Таким образом, с 1860 г. калмыки Большедербетовского улуса в составе 11 родов, 18 аймаков, 50 хотонов [Административно-территориальное 2008: 257] стали подчиняться Главному Приставу кочующих народов Ставропольской губернии. Для управления улусом было учреждено улусное управление, ставка которого до 1875 г. находилась в урочище Дудаки, а затем была переведена в с. Ивановское Медвежинского уезда.

Стремление российской администрации учитывать сложившуюся правовую систему местных традиций и обычаев при введении Калмыцкой степи под юрисдикцию имперского законодательства проявлялось в поддержке института самоуправления, который основывался на родовых связях и нормах обычного права. «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г.

закрепило правовое положение различных социальных групп населения с целью ускорить их вхождение в социальную структуру российского общества. Кроме того, данное Положение на законодательном уровне впервые закрепило основы местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов, формируемых на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения. Указанная правовая норма может расцениваться как социальный лифт, позволяющий простолюдинам, имеющим авторитет в обществе, занять престижный статус [Батыров, Лиджиева, Оконова 2014: 28].

По приведенным Н. Львовским данным, в 1861 г. Большедербетовский улус занимал площадь 872 323 кв. десятины 1 000 кв. сажен, но со временем территория сократилась, поскольку из калмыцких степей выделили земли другим кочующим народам. Так, в 1863 г. площадь улуса составляла 589 000 десятин, в 1872 г. — 373 161, а к 1892 г. сократилась втрое от первоначальной

— до 289 835 десятин [Львовский 1894: 8–9, 18, 19, 21]. Между тем в отчетах Большедербетовского улусного управления за 1861 и 1865 гг. указывается, что площадь улуса неизвестна [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 42. Л. 35 об; Ф. 249. Оп. 2. Д. 2502. Л. 113 об.].

В 1865 г. население улуса уже подразделялось на 13 родов, 6 аймаков, управляемых родовыми зайсангами, 4 аймака, управляемых опекунами, 8 аймаков, не имевших родовых зайсангов, и 51 хотон [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2502. Л. 116].

По данным Н. Львовского, на карте Ставропольской губернии за 1886 г. границами Большедербетовского улуса служили: на севере — озеро Маныч и земли области Войска Донского; на западе — р. Большой Егорлык с русскими селениями Новоманычским, Баранниковым, Красной Поляной, Журавским; на юге — правый приток Большого Егорлыка Большой Гок и села Рассыпное, Бурукшун, Большая и Малая Джалга; на востоке — реки Яшалтинская балка, Заха — Джама, села Яшалта, Хагинское и Гахинское [Львовский 1894: 28].

Таким образом, передача земель калмыцких кочевий южной долины Маныча в административное подчинение ставропольским властям привела к ликвидации,

по существу, двойного управления данной территорией. Принимая решение в пользу Ставропольской губернии, правительство исходило из административных соображений: передаваемые земли были ближе к Ставрополю, чем к Астрахани. В результате административно-территориальных преобразований 1860 г. калмыки утратили значительную часть своих земель, отведенных им по императорскому указу 1806 г. Земельные потери, которые понесли калмыки, являлись следствием изменения этнокультурной обстановки в рассматриваемом районе. В первой половине XIX в. калмыки утратили свое численное превосходство в отдельной части Малодербетовского улуса, соответственно, доминирующим населением в данном регионе стали туркмены, постепенно вытеснившие калмыков за Маныч. На наш взгляд, данное обстоятельство, несомненно, сыграло ключевую роль при решении правительством вопроса о передаче части калмыцких земель в пользование туркмен-кочевников. Следует отметить, что, несмотря на переход Большедербетовского улуса в ведомственное подчинение другой губернии, с незначительными изменениями была сохранена прежняя система управления.

Источники

Государственный архив Ставропольского края (ГА СК)
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ)

Литература

Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 год. Справочник. Комитет Ставропольского края по делам архивов; Государственный архив Ставропольского края. Под ред. Е. И. Домова, В. В. Белоконов, Г. А. Никитенко. Ставрополь, 2008. 400 с.
Батыров В. В., Лиджиева И. В., Оконова Л. В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. С. 26–30.
Белусов С. С. Административно-территориальные преобразования в степном Предкавказье в 1860 г. // Былые годы. 2012. № 1 (23). С. 24–28.
Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. 34–35.

Sources

[Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.)
National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of Stavropol Krai.

References

[Administrative-and-Territorial Division of Stavropol Province: Late 18th to 1920. Reference Book]. Stavropol Krai Committee for Archival Affairs, State Archive of Stavropol Krai. E. I. Domov et al. (eds.). Stavropol, 2008. 400 p. (In Russ.)
Batyrov V. V., Lidzhieva I. V., Okonova L. V. The estate structure of the Kalmyk society in the context of the state policy of the Russian Empire in the XIX century. *Izvestiya of Altai State University*. 2014. No. 4. Pp. 26–30. (In Russ.)
Belousov S. S. Administrative-territorial transformations within steppe pre-Caucasian region in 1860. *Bylye Gody*. 2012. No. 1 (23). Pp. 24–28. (In Russ.)
Bentkovsky I. V. Our nomads and their economic conditions. *Stavropol'skie gubernskie ведомости*. 1879. No. 32. Pp. 34–35. (In Russ.)
Burdukov N. F. [Report (Submitted) to His Excellence Minister of Agriculture and Government Property by Special Duty Officer N. Burdukov on the Trip to Bolshederbetovsky District in the

Бурдуков Н. Ф. Доклад его Превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова по командировке в Большедербетовский улус осенью 1898 г. СПб.: тип. кн. В. П. Мещерского, 1898. 126 с.
Доклад о назначении калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской земель и о распоряжениях, к тому относящихся // Санктпетербургский журнал. Май. 1806 г. № 8. С. 48–66.
Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. // Калмыцкая область, 1925. № 2. С. 109–123.
Львовский Н. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Казань, 1894. 96 с.
Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 426 с.
Указ Правительствующему Сенату // Санктпетербургский журнал. 1806 г. № 10. СПб.: «Медиц. тип.», 1806. 135 с.
Фарфоровский С. В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1912. 42 с.

Autumn of 1898]. St. Petersburg: V. Meshchersky, 1898. 126 p. (In Russ.)
Decree to the Governing Senate. *Sanktpeterburgskiy zhurnal*. 1806. No. 10. 135 p. (In Russ.)
Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: (Sketches of) Everyday Life]. Elista: KalmykBook Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
Farforovsky S. V. [Public Education among Kalmyks of Bolshederbetovsky District: a Perspective from Their Everyday Life and History]. Stavropol: Governorate Executive Office, 1912. 42 p. (In Russ.)
Lebedinsky A. A. Bolshederbetovsky District in the mid-to-late 19th century. *Kalmytskaya oblast'*. 1925. No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)
Lvovsky N. [Stavropol Governorate: Kalmyks of Bolshederbetovsky District]. Kazan, 1894. 96 p. (In Russ.)
Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 426 p. (In Russ.)
Report on appointments (of authorized officers) to the Kalmyks and other populations nomadizing across lands of Astrakhan and Caucasus Governorates supplemented with respective edicts. *Sanktpeterburgskiy zhurnal*. 1806. May. No. 8. Pp. 48–66. (In Russ.)